

Николай Успенский

Декалов

Николай Васильевич Успенский

Декалов

«Осенью дьячок села Кочергина собирался ехать с своим девятилетним сыном в губернский город Т. Он намеревался записать его в третий класс духовного училища. Под самый день отъезда дьячок ходил по крестьянским дворам, просил дугу; от священника он получил благословение на далекий путь и дегтярку с помазком.

Его сын, Иван Декалов, вымытый, причесанный, в это время спал дома на печи...»

Содержание

I ПРОВОДЫ0005
II СЕМИНАРСКАЯ КВАРТИРА0008
III ВИЗИТЫ И ПРОЩАНИЕ0015
IV ВЕЧЕР0019
V НОЧЬ0028
VI КЛАСС0034
VII ОТПУСК0037
VIII ВЕЧЕР ПОД РОЖДЕСТВО0045
IX РОЖДЕСТВО0049

**Николай Васильевич
Успенский
Декалов**

I ПРОВОДЫ

Осенью дьячок села Кочергина собирался ехать с своим девятилетним сыном в губернский город Т. Он намеревался записать его в третий класс духовного училища. Под самый день отъезда дьячок ходил по крестьянским дворам, просил дугу; от священника он получил благословение на далекий путь и дегтярку с помазком.

Его сын, Иван Декалов, вымытый, причесанный, в это время спал дома на печи. Дьячиха, Акулина Егоровна, пекла лепешки; а ее мать, бабушка Декалова, печально сидела в углу, мотала нитки. Акулина Егоровна то и дело подходила к сыну, целовала его, плакала и причитала: «Касатик, Ванюша...» и т. п. Бабушка твердила ей, чтоб она не будила внука; мать отходила к печи и, проливая слезы, хваталась за рогач.

Вечером, при огнях, Акулина Егоровна, дьячок и бабушка укладывали дорожные припасы в мешки.

Декалов давно проснулся. Он сидел в одной рубашке под иконами и непрерывно вздыхал.

На другой день, утром, на проводы собрались в дом дьячка крестьянские ребяташки. Декалов с ними прощался, дарил им своих чижей и синиц.

Декалова закутали в толстую отцовскую свиту и обвязали полотенцами.

Помолившись богу, все вышли на улицу к повозке. Крестьянские ребяташки, каждый держа по птице в руке, смотрели на Декалова с неизъяснимым сожалением. Проходившие на барщину мужики с цепами останавливались и с удивлением спрашивали дьячка:

– Ай везешь, Савелий Григорьич?

– Везу. Что делать!..

– Ах, братец ты мой!..

– Ах, Ваня!.. – с размышлением восклицали мужики и покачивали головами.

Декалов чувствовал, как слезы текли по его щекам.

Мать и бабушка долго смотрели на отъезжавших.

Повозка проехала поповскую слободу: из

окна священниковой кухни поклонилась путникам работница, когда-то сумерничавшая в доме Декалова. У ивкиных ворот стоит в раздумье мужик Харлам, будто о чем-то пригрюнившийся: он каждый раз на святой строил на лугу качели бабам и в хороводах первый запевал песни. У мельницы на берегу удит рыбу старый скотник: волна бьет его по плавки, и рыба не клюет... «Возвращусь ли я когда-нибудь сюда? – думал Декалов, совсем выезжая из Кочергина. – Увижу ли я тебя, родная моя сторонка?..» Вот поповский луг: на нем Декалов лавливал в осоке диких утят. Пастух у озерца стережет кочергинскую скотину; сам, сгорбившись, плетет лапти; ветер шумит и волнует ближний дубовый лес. В этот лес третьего дня ходили девки за грибами: Машка, Варька, Дуняшка... Где они теперь?

II СЕМИНАРСКАЯ КВАРТИРА

Через два дня пути, в час пополудни, Декаловы ехали по Т-ой губернской улице, называемой Большой, или Воронежской. Измученная гнедая лошадь, с вытертою шерстью на ляжках и побитой спиной, насилу тащилась, часто поглядывая на растворенные ворота постоялых домов. Дьячок по временам поправлял на ней кнутовищем сбоченившуюся шлею. Телега, некогда служившая водовозной, в дороге совершенно разбилась; покачиваясь из стороны в сторону, она издавала сильный визг; по бокам ее высывалась наружу солома и выпускала из себя, как ребра, выломленные перегородки. Из вершины высокой, растрепавшейся шапки дьячка, как из огнедышащей горы, наподобие лавы, летел пух, разносясь по улице. Прохожие пристально смотрели на проезжих.

Был воскресный день. Большая улица наполнена была народом: разряженные купеческие жены с толстыми большими серьгами,

чиновники с тросточками, мещане, подвыпившие сапожники разгуливали по бульварам. Вдоль улицы к собору и от собора ездили пролетки с молодыми купчиками, частным приставом, полицеймейстером, и катили шестернями запыленные дорожные кареты. На все это с любопытством глядели дьячок с сыном. Наконец, они повернули в Подьяческую улицу и стали разыскивать дом мещанина Овсова, которого им рекомендовал один знакомый.

Дом Овсова стоял недалеко от Воздвиженской церкви, окруженной кладбищем. Он имел две черные трубы, треснувшие пополам, и крошечное крылечко с низенькою дверью, забитою наглухо. На его крыше росла трава; черномазые окна походили на искривленные и потускневшие глаза умирающего человека. Глушь и запустение царствовали в Подьяческой улице несмотря на праздник.

У растворенных ворот Овсова дома стояла запряженная лошадь. Священник прощался с своим малолетним сыном, который отчаянно плакал, припав к его полукафтанию. Священник вынимал ему из кармана деньги, едва

удерживаясь от слез; говорил, что по первому зимнему пути приедет к нему с матерью и братом Васей; не забудет также захватить с собою сестру Парашу.

Дьячок снял шапку перед хозяином, ссыпавшим в амбар муку, смиренно поклонился хозяйке, запиравшей калитку сада с ворчаниями на неугомонных жильцов, и повел свою лошадь к стороне. Какой-то мальчик, в синей жилетке, с книжкой на коленях, зажав уши, сидел на бревне лицом к забору. Декалов, стоя у телеги, глаз не спускал с мальчика, зубрившего урок. Дьячок отстегивал супонь у лошади. На соседнем дворе раздавались крики, стучали о забор свинчатками с чугунками, гремели бабки.

– Шестер!

– Ладыжка на кону!

– Жог, ника!

Шумели игроки.

Запыленный мукою хозяин переговорил с кочергинским дьячком касательно третнего содержания, платы за квартиру и указал ему семинарскую комнату, предварив, что комната – игрушка! господам жить, а не семинари-

стам.

В комнате семинаристов, у оборванных стен, за широким складным столом сидел с примасленной головой ученик словесности Пречистенский; он старательно списывал лекции профессора под заглавием «Речи ораторские». На просторных подмостках с взвороченными войлоками и сундуками сидело человек семь раздетых мальчиков. Одни из них делали из бумаги хлопущки; другие раздували на окне уголья в банке, чтоб расплавить свинец; третьи сверлили гвоздем бабки; четвертые только глядели на эти занятия и ели лепешки. На лежанке без подстилки спал в одном сапоге ученик философии Детищев, с улыбкой на лице; его будто озаряла необыкновенная идея, сейчас же готовая осуществиться; поэтому философ не обращал никакого внимания на валявшийся по полу другой свой сапог с разорванным голенищем и тряпицей внутри.

Кочергинский дьячок начал представлять ригитору Пречистенскому своего сына. Повернувшись к ним обоим спиной и держа в руке огромный картуз, почти достигавший полу,

Декалов смотрел на спящего философа и на ребяташек. Пречистенский отдал приказание работнице – собирать гостям обед; на спрос дьячка о старшем, то есть о богослове, он отвечал, что богослов куда-то отлучился, – должно быть, за харчем пошел. После нескольких слов о дороговизне содержания в городе, о неудобствах семинарской жизни дьячок стороною намекнул ритору: не хочет ли он выпить? Тот, закладывая за ухо перо, проговорил, что он и знать не знает этого дела, потому что еще в низшем отделении находится... Но не таковым оказался пробужденный криками мальчиков философ. Накидывая на плечи сюртук и хватаясь за трубку, он изъявил полное согласие на предложение дьячка. Волосы его стояли дыбом; нанковый сюртук, выбеленный известкой, смялся, съезжился и не прикрывал груди; вообще все говорило о философском направлении Детищева. Он объяснил дьячку, что сам дьячковского происхождения, знает быт дьячков как свои пять пальцев, следовательно тут церемониться нечего.

Кривоглазая работница, напудренная са-

жей под глазами и преимущественно около носа, несла к столу щи; она останавливалась на дороге, чтоб уцелевшим глазом высмотреть чистоту своего приготовления. За нею суетился хозяин, принесший полштоф из кабака.

Детищев весело говорил дьячку про свое воспитание, когда он, будучи маленьким, бегал по полночам в класс и выносил наказание розгами. Он уверял, что при самых жестоких наказаниях он не только не просил учителей о помиловании, то есть не кричал «помилуйте» или «пощадите», но лежал словно деревянный. Еще Детищев рассказывал про своего родного отца, который исконибе получает шесть с половиною целковых годового дохода, ходит в лаптях и содержит многочисленное семейство. В заключение всего Детищев, уже выпивши водки, принялся наставлять дьячка, куда ему должно явиться с сыном: во-первых, надобно сходить к ректору училища – он проэкзаменует Декалова; да не забыть... (здесь философ пошептал на ухо дьячку); во-вторых, надобно сходить к учителям, хотя и не ко всем: это называется «явить-

ся к ним...» Как скоро Детищев упомянул слово «явиться», тотчас ученик четвертого класса крикнул с подмосток, что к учителю Мордасову беспременно «явиться» должно; а то смерть будет!

III

ВИЗИТЫ И ПРОЩАНИЕ

Вечером, по уходе дьячка с сыном к ректору Детищев, подвязывая под шею манишку, заимствованную у ригора Пречистенского, соображал, куда бы уйти на вечер. Он спросил у мальчиков, не напоит ли его кто-нибудь чаем? Один вызвался и сказал:

– А сколько, Прохор Еремевич, стоит?

– Пятиалтынный.

– Э-э! – воскликнул мальчик и обратился к стене лицом.

Дьячок с сыном медленно шли по парадной ректорской лестнице, освещенной лампами. Дьячок умолял сына – полегче стучать сапогами.

Встречаемые служанкой протоиерея, они явились в широкой зале с паркетным полом. В зале горела лампада перед золотым образом. Дьячок прижался к двери. Декалов, не чуя над собою никакой грозы, спокойно утирал рукавом нос и время от времени поддерживал кверху подпояску.

Вышел высокого роста протоиерей в шелковой рясе, с золотым распятием на груди. У дьячка закружилась голова. Служанка поставила свечу на стол. Ректор подозвал к себе Декалова, спросил, из какого он села. Затем развернул на столе катехизис и взялся за испытание. Дьячок затрясся.

– Если бог везде, – произнес ректор, обращаясь к мальчику, – то как же говорят, что он на небесах, во храме и прочее?

Декалов зачитал:

– Един бог во святой троице поклоняемый...

Протоиерей остановил его. Он повторил вопрос: «Где бог?»

Дьячок возвел взор к небу.

Служанка, намереваясь идти в другую комнату, смотрела на мальчика с очевидным желанием знать, чем кончится дело. Но кончилось все благополучно. Декалов сказал, где бог, победил другие некоторые вопросы и был записан в третий класс. Однако служанке такой конец, по-видимому, не очень понравился; она пошла в комнату с видом, который ясно говорил: «Ишь какой экзамен-то? легкий

самый...»

Тем же вечером Декаловы отправились «являться» к учителю Мордасову. Надобно было пройти много темных переулков. Мордасов, с жирным, рябым лицом, играл с своими товарищами в карты; он звонко проповедовал, что в некоем многолюдном обществе он наповал срезал учителя географии, доказав ему, что слово «Анакреон» ничуть не первообразное, а производное и, можно думать, происходит от греческого «креас» – мясо. Когда ему доложили, что его кто-то спрашивает, он приказал сказать: «Нет дома». Кухарка шепнула ему что-то такое, от чего Мордасов поспешно встал, оделся в халат и с мелом на обеих губах вышел в переднюю. В передней было темно. Но явка совершилась. При прощании Мордасов спросил фамилию Декалова. По удалении гостей кухарка зажгла свечку и с ней тщательно искала в передней кулечка или плетушки. Ничего такого не оказалось...

Поздно ночью Декаловы пришли в свою квартиру. Все поужинали. Дьячок разостлал на полу армяк, помолился богу и вместе с сыном улегся спать. Бред, храпенье, свист разда-

вались в семинарской комнате. Кто-нибудь начинал бормотать: «Постой, постой!.. ну да!» – и замолкал. Длилась тишина – и опять слышался бред.

Рано утром Декалов за губернской заставой провожал своего отца. Дьячок долго крестил сына, препоручая его невидимому промыслу...

Телега давно ныряла вдалеке между обозами, фигура дьячка едва виднелась, а Декалов еще силился сквозь слезы рассмотреть их... Постепенно темнея, скрылась знакомая повозка, скрылся и дьячок.

«За что, за какое преступление разлучили меня с моей родиной?.. За что отторгли меня от родных моих полей?..» – думал Декалов, и его слезы лились ручьями...

IV ВЕЧЕР

Была зима. Декалов, с подвязанными ушами, исправно ходил в училище, надевая на себя холодную свитку и теплый картуз, который с трудом стаскивал с головы при встрече с учителями.

Смеркалось. В семинарской квартире было темно; ритор Пречистенский скромно ел хлеб близ подмосток, на которых разговаривали мальчики про уроки и учителей; на лежанке сидел философ Семенов, товарищ Де-тищева; на печи и на полатях были тоже семинаристы, и между ними двое исключенных, говоривших про места и должности:

– Вот, говорят, в селе Петровках, Каширского уезда, есть праздное, дьячковское... со взятием...

– А то, мне сказывали в консистории, в Зашивалове есть место – во двор... приход богатый... пять помещиков... один, кажись, граф какой-то...

Вошла хозяйка.

– Кто это на лежанке?

Философ молчал, а за него отвечали:

– Егор Антоныч.

– Орлов! – сказала хозяйка, – что ж, когда ты муку доставишь?

– В воскресенье, Марья Ивановна, схожу к дяде.

– Что, отдушник-то закрыли, что ль? – спросила хозяйка, щупая рукой выше своей головы.

В это время отворилась дверь, кто-то вошел и тихо спросил:

– Старшой дома?

Все замолкли.

– Суб-инспектор, суб-инспектор... – по всей квартире раздался шепот, и с печи и с кровати посыпал народ.

– Зажгите огонь, бегите за старшим...

Зажгли свечу; пред суб-инспектором стояло человек десять учеников с заспанными лицами; один Пречистенский, с приглаженной головой, смело смотрел в глаза суб-инспектору, от которого исключенные, в одних жилетках, и философ, застегивавший сюртук, жалась по углам.

– Где старшой и Детищев? – спросил суб-инспектор, садясь на табурет и опираясь на палку.

– Отлучились для свидания с родственниками.

– Скажите им, что если они не перестанут ходить по трактирам, то я донесу на них отцу ректору, – объявил суб-инспектор и отнесся к философу: – Ты, Семенов, вчера, кажется, не был на моей лекции герменевтики?[1]

– Болен был, Николай Иваныч...

– Ты почти вовсе не учишься да к тому же имеешь грубый нрав... Мне жаловались, что ты на днях разграбил черепенники в харчевне и вывихнул руку хозяйке...

Хозяйка начала пробираться сквозь толпу, чтобы засвидетельствовать действительность происшествия, но суб-инспектор продолжал:

– Старайся о смягчении своего характера... чтобы вышла из тебя эта дурь... Ну, что же, вы еще не определились? – спросил он у исключенных.

– Нет-с... мы подали прошения...

– Какая у вас завтра лекция? – спросил суб-

инспектор Пречистенского.

– Древняя история.

– Ты приготовился?

– Приготовился-с, – покраснев, отвечал

Пречистенский.

– Скажи мне: долго ли царствовал в Греции Батт Хромой?

Пречистенский, прищуриив один глаз, взглянул на потолок и отвечал:

– От пятьсот пятидесятого – пятьсот двадцать шестого года до рождества Христова.

– Хорошо! А какой царь предлагал матери племянников Сципиона Африканского разделить с ним трон, и она отказалась?

– Птолемей Шестой.

– Весьма хорошо! Старайся... Ну, проводите меня кто-нибудь до другой квартиры, – заключил суб-инспектор, поднимаясь.

Пречистенский оделся в тулуп с калмыцким воротником и повел его из комнаты.

– Посвятите! свечку, свечку! – заговорил народ.

Оба исключенные подняли свечу до самого потолка. Как только суб-инспектор скрылся, семинаристы всходились по комнате и заго-

ворили:

– А пожалуй, заправду донесет на старшего... ведь каждый день в трактире... инспектор уж знает, что он проиграл в бильярд общественную крупу...

– Что это суб-инспектор на вас напал? – спросили Семенова исключенные.

– Пусть его! – ложась на лежанку, проговорил философ, – много нуждаюсь я! По мне, хоть завтра в дьячки...

Исключенные отправились на полати.

Минут через десять пришел Пречистенский с розовыми щеками от мороза; он сел за стол и принялся списывать лекции профессора под заглавием: «Убеждения оратора на сердце». Вокруг него учили уроки мальчики, зажав свои уши.

Декалов сидел без книги и посматривал на товарища, Орлова, который, облокотившись на греческую грамматику, ел лепешку; он ждал, пока Орлов наестся, вытвердит урок и позволит ему поучиться по его грамматике: но Орлов, поглядывая по сторонам, внутренне радовался, что Декалова завтра ожидает гибкая лоза...

– Пречистенский! – крикнул с лежанки философ, – нет ли у тебя до завтра гривенника?

– Право, Егор Антоныч, нету: нынче отцу послал письмо...

– Орлов! – говорил Декалов, – одолжи хоть катехизиса...

Орлов помолчал и сказал:

– Я его в сундук запер...

На полатах исключенные пели: «Како не дивимся...»

Философ сошел с своего ложа, сел на скамью у стола и мрачно спросил мальчиков:

– Приготовили уроки?

– Нет, Егор Антоныч.

– Что же вы делали, пришедши из училища? Декалов! читай из катихизиса...

Декалов вышел из-за стола, стал среди комнаты (как этого требовала субординация) и в замешательстве перебирал ключи, висевшие у него под жилеткой, и ничего не отвечал.

– Эй, вы! приготовьте лозу! – крикнул философ ученикам.

– Егор Антоныч, у меня книг нету, – сказал Декалов.

– Кто ж тебе будет покупать книги? я, что ль? Эй! что же вы не несете?

– Лозы нету, Егор Антоныч, – крикнул один мальчик, вылезая из-под печки, – кто-то унес...

Философ подошел к полатам и спросил:

– Ильинский! пойдём, брат, в сад, нарежем березовых сучьев...

– Пойдемте...

Исключенный Ильинский оделся в худую свитку и отправился с философом в сад.

На улице была сильная метель; в саду с писком вертелся флюгер на бане... Философ стоял по колени в снегу перед березой, на которой сидел исключенный, и сбирал прутья.

– Ильинский, как бы добыть денег?

– Завалить надо что-нибудь, – отвечал Ильинский.

– Да уж я назначаю свой тулуп.

– Так надо идти к Аленке: она даст рубля два.

– Хоть бы рубль дала!

– Даст больше... Ведь у вашего тулупа овчины молодые...

– Только ты уж сам Аленке напиши рас-

писку, а я постою на улице; мне не хочется срамиться...

Вскоре Ильинский и Семенов пришли в кухню, положили сучья в печку для распаривания и, завязав тулуп в узел, ушли к Аленке.

Мальчики поужинали с Пречистенским и легли спать.

Часов в одиннадцать пришел старшой, а с ним философы Детищев и Семенов, держа на цепи овчарную собаку. Исключенные проснулись оба и слезли с полатей.

– Где, где это вы добыли собаку?

– На улице поймали.

– А ведь она не простой породы... А знаете ли что? ее можно заложить...

– Да я нарочно поймал ее, чтобы поправить свои обстоятельства, – сказал Детищев.

– Ее фельдфебель Тесаков примет...

Семинаристы с час толковали про собаку, как старшой проигрался в трактире и пр., наконец, улегшись в постели, завели такой разговор:

– А что, господа? говорят, купец Огороков, что зарезался, ходит ночью по домам...

– Я тоже слышал... Говорят, его видели тре-

тъяго дня на Волковой улице... Родным своим не дает покоя: каждую ночь гром, шум...

Старшой поправил свою подушку и проговорил: – Все глупости... *

– Что, Петр Петрович, вы не верите? – спросили все в один голос и притихли, ожидая решения старшого, как богослова, знающего все.

– Не верю. Все молчали.

– Но ведь, – начал Детищев, – в священном писании говорится, что тени умерших могут являться... Там аэндорская волшебница вызвала тень Самуила.

– Вопрос сомнительный... – произнес старшой. В это время какой-то из спавших мальчиков крикнул на всю комнату... Свечка погасла.

V НОЧЬ

Декалову снилось, будто он никогда и не был в училище, а живет в своем родном Кочергине.

Весна. Он с парнями в ночном, на поповском лугу...

Табун лошадей, фыркая, щиплет траву, а караульный с шестом ходит вокруг...

Месяц плывет по чистому небу... ночь теплая... Парни лежат в ряд у межи, подложив под головы армяки и узды и пр. Жаворонок умолк...

Полночь... все лошади лежат... утренняя заря обозначается яснее...

Парням не спится... Человек восемь собрались идти к реке; они проходят спящий табун и начинают спускаться под гору... В это время в вышине раздается утренняя, судорожно-радостная песня жаворонка...

– А уж рассветает, ребята, – говорят парни.

За ними по траве остаются следы от росы... Становится светлее... По лугу завиднелись

незабудки, синие колокольчики, желтые баранчики, но за рекой темнели кусты и леса... Поднимается туман от реки, на поверхности которой плещется проснувшаяся рыба.

Уже светло... Вдали, на мельнице, переключаются петухи... В прибрежных кустах взапуски поют птицы: слышится и иволга, и малиновка, и громкие трели соловья...

Парни, с пучками щавеля и баранчиков в руках, возвращаются к проснувшемуся табуну, который усердно щиплет траву с росой, и ложатся у межи. Дремлющий караульный стоит близ колосящейся ржи...

Взошло солнце; по лугу тихо раздается бубенчик, а в воздухе заливается жаворонок. Парни заснули... Спит с ними и Декалов, но его слегка схватывает утренний холод... он хочет чем-нибудь одеться...

Декалов проснулся; рядом лежавший с ним мальчик давно стянул с него тулуп. Он придвинулся к спине товарища, накрылся концом тулупа и начал думать об уроке, которого он не выучил с вечера; ему представлялись страницы катехизиса с церковной печатью, клетки спряжений греческих глаголов,

потом дневальный палач с лозой – и Декалов, в ужасе, тяжело вздыхал и, подавляя рыдания, говорил про себя: «Господи! за что я страдаю? за что счастливее меня в Кочергине мой друг Петька Лаврухин? Петя! ты теперь покойно спишь у своего отца и матери, а завтра пойдешь на улицу, из снега сделаешь себе дом, человека или подморозишь свою круглую ледянку и выйдешь с нею на гору...»

Декалову начал рисоваться морозный день... Густой иней висит на деревьях; посвистывают синицы на кустах... Среди огорода расчищен точок, на котором посыпано конопляное семя и от силков проведена веревка среди уцелевшей глухой крапивы, занесенной снегом...

В избе Декалова, над окном, повешена клетка с синицей; дьячок на полу строит сани, вбивая обухом копылья... его жена костяной иглой вяжет чулок... кошка крадется к синице, но синица не трепещется более... Декалов выносит ее на двор; дьячок говорит, что она околела от угару...

На сельской улице едут легкие сани-розвальни, в которых на корточках сидит мужик

и туго натягивает вожжи... сани раскатились и повернули назад лошадь...

Среди дороги, в выброшенном мусоре, роются вороны, галки и собаки, а поодаль от них гуляют два хохлатые голубя, принадлежащие Петьке Лаврухину; напротив села, на бугре, вязнет в сугробах какой-то охотник с ружьем...

На льду реки развевается красное пламя: мужики палят свинью, наваливая на нее солому, которая быстро превращается в черный назол... У свиньи скорчились ноги и треснул от жару живот... Мужик берет большой нож, крестится, и, минуто спустя, на солому вываливаются внутренности животного...

– Держи! подставляй! – говорит мужик бабе с решетом.

– Прочь, алошные! – кричит баба на облизывающихся собак.

Смеркается... идет метель... на горе катаются мужики, парни, девки; у завалинки крестьянской избы раздается песня:

*Не тебя ль, моя польнь,
В поле ветром разнесло...*

Парень катится с девкой в белом полушубке, ловко управляя салазками...

Вьюга усиливается; в поле зги не видать... проезжий мужик тянет унылую песню... улица пустеет...

В темной крестьянской избе, у печи, запустив нос в помои, чавкает поросенок, а в углу сидит мужик...

В дворовой избе горит огонь... старуха лежит на печи, жужжит прялка... старик вяжет сеть... кот лежит на намычках... окна запушены снегом, но в избе тепло и уютно... А на дворе стонет вьюга и рвет ставни... разговаривают про мертвецов и колдунов, про то, как церковь обокрали, про явленные иконы, про заблудившихся и замерзших в дороге... В трубе злобно гудит ветер... двери заперты крепко... Случись кому-нибудь постучаться в окно и попроситься ночевать – всех обнимет ужас...

С улицы на крыльце снегу навалило по колени...

– Акулина, пойдем с тобой к соседу! – говорит хозяйская дочь работнице.

– Сапоги обуи! – кричит мать из другой

комнаты. Девушка и работница отворяют дверь и, жмурясь от

пыли, вязнут в молодом снегу...

Раздается едва слышно благовест колокола (в пульгу благовестят).

Какая пыль!

Путницы добираются до крыльца соседа и стучатся в дверь.

На селе все глухо, мертво... не вякнет ни одна собака... А буря ревет над домами и навеивает сладкие сны спящему в тепле крестьянину...

В это время Декалов услышал благовест к заутрене. В квартире все спали; но на столе уже горела свеча: ритор Пречистенский, умытый, сидел за работой, списывая лекции.

VI КЛАСС

Еще не было шести часов утра, как овсовские ученики уже собирались в класс, отыскивая в сундуках и под кроватями книги, сапоги, фуражки, вязанки. Суматоха была такая, что проснувшиеся философы и старшой кричали в один голос: «Подайте сюда лозу!»

– Пойдем к хозяйке за хлебом, – говорили мальчики, вереницей устремляясь в кухню.

– Господин Пречистенский! посмотрите: Воздвиженский разорвал мою книгу! – подходя к ритору, говорил один из учеников.

– Вот я сейчас разбужу старшого, – с угрозой отвечал ритор.

Кто молился богу, кто просматривал урок, а кто, прижавшись к стене, плакал.

– Ты что голосишь? – спросил Пречистенский.

– Да шапку потерял.

Зная, что в таком беспорядке трудно отыскать шапку, Пречистенский дал мальчику старый свой картуз и приказал ему идти в

школу.

Мало-помалу ученики все убрались из квартиры, оставив после себя выдвинутые из-под кроватей сундуки, груды войлоков и трапезных подушек на нарах и грязь на полу. Ритор подвязывал перед зеркалом галстук, намереваясь отправиться в семинарию. Он так рано собирался потому, что рассчитывал попросить у казенных учеников, живших в семинарии, библию, в которой ему нужно было отыскать и выучить несколько текстов.

На улице был мороз. Трещали подводы, ехавшие к хлебной площади; мужики постукивали в рукавицы. Полный месяц освещал гладкую дорогу. В конце улицы около сада промелькнули легкие санки и исчезли за угрюмыми зданиями присутственных мест; в некоторых обывательских домах зажглись огоньки, и на окнах начали рисоваться человеческие фигуры...

Часов в семь утра во всех классах училища дрожали стены от крика, беганья по скамьям и чтения уроков. Среди третьего класса ученик дневальный с необыкновенной ловкостью вертел в воздухе лозой, желая познако-

мать товарищей с методой, которой он держался при сечении: товарищи, удивляясь его искусству, совали ему кто кусок хлеба, кто пирог или черепенник.

В восемь часов в классе была тишина. Учитель сидел на кафедре и рассматривал по *замечаниям*, кто не знал урока. Человек тридцать он вызвал к двери и сошел с кафедры. Став перед осужденными и сделав рукой взмах, как дирижер перед открытием пьесы, учитель крикнул: «Высечь!..»

VII ОТПУСК

Приближались святки... Ученики записывали на бумажках и на книгах, сколько недель, дней и даже часов оставалось до отпуска. По вечерам, до зажжения свечи, они вспоминали все подробности праздника, как кто хаживал по приходу и катался с гор, во что наряжался и проч.

Недели за три до рождества Декалов получил от своего отца следующее письмо:

«Любезный сын Иван. К празднику рождества Христова подводы за тобой не посылаю, ибо лошадь заболела от чемера и наиболее, я полагаю, от скудной пищи, какова солома; поэтому тревожусь, как бы не издохла, лишив нас последней опоры...

Голуби твои все целы и сидят под печкой.

Учись, Ваня! Ты пишешь, книг нету; что делать! Книги дороги; товарищам поклонись в ноги и попроси у них... Молись богу... в наше время в лаптях хаживали...

Господь умудряет и слепцы...

К празднику отыщи подводу на постоялом дворе и приезжай к нам. Мать говорит: не переделай ли тебе из моей старой шапки – жилетку? Думаю, что на твой рост выйдет... К старшим будь почтителен: смирением обрящешь покой душе своей...

Дед твой был ума несказанного, а он гнулся в дугу перед каждым человеком. Люди, Ваня, любят уважение, которое им оказывают; но они возненавидят тя и пронесут имя твое яко зло, ежели не будешь покорствовать им.

Верь отцу твоему; он знает это по опыту и не пожелает тебе худа. Будь прилежен в учении; за это тебе сторицею воздастся...

Молю бога, чтобы он не спустил тебя с порук своих, и посылаю тебе родительское благословение. Причетник Декалов».

Во всем письме отца Декалову особенно была по душе одна строка: «Голуби твои целы и сидят под печкой». Ее Декалов читал сотню раз...

День ото дня приближение святок становилось ощутительнее. На рынках и в лавках начали появляться груды мерзлых гусей и свиней; в обозах, ехавших по городу, ученики

начали встречать земляков-мужиков, которые везли с собой от сельских дьячков и дьяконов письма и посылки. С каждым днем ученики делались между собою дружелюбнее; учителя, почуяв рождество, умерили свое ожесточение; лоза теряла прежнюю свою силу.

Наконец, наступил отпуск. Ученики, с билетами для отъезда в руках, без оглядки неслись по коридорам и по лестницам вон из училища, как будто опасаясь, чтобы 'начальство не раскаялось, как фараон, что отпустило так 'много народу.

На дворе овсовской квартиры стояло несколько приезжих подвод.

У ворот привязана была запряженная лошадь в верёвочной сбруе. Из семинарской квартиры выходил дьячок с двумя маленькими детьми, одетыми по-дорожному. Их провожали, в одних сюртуках, исключенные.,

– Прощайте, господа! – говорил дьячок, – желаю вам в добром здравии разговеться... Благодарим за хлеб, за соль...

– Вам ведь недалеко? – спросил один исключенный.

– Тридцать верст... засветло доедем...

– Воротники-то поднимите! – сказал дьячок своим детям, уже сидевшим в розвальнях.

– Нам тепло, тятенька!

– Поищите же мне невесту-то... – сказал исключенный.

Дьячок взялся за вожжи и ответил:

– Будьте покойны; расстараюсь...

Дьячок, ежеминутно запуская кнут под брюхо лошади, ехал по направлению к заставе.

– Тятенька! – говорили дети, указывая на синий дом, – вот здесь наш инспектор живет. Тятенька! а вот – в обозе едет наш товарищ Декалов.

Среди обоза, тянувшегося из города, в пустых санях сидел Декалов, прислонившись к передку. Он отыскал на постоялом дворе кочегринских мужиков, от которых получил следующее письмо отца:

«Любезный сын. Поспеши приездом с сими мужиками, понеже праздник рождества Христова настанет зело вскоре. Посылаю тебе закрыться в дороге материн тулуп и гривенник

на продовольствие; не будь расточителен на постоянных дворах. Мать тебе выгадала из моей шапки теплый нагрудник. Засим прими благословение родителя твоего, дьячка Декалова».

– Духовный! ступай вперед! – крикнул один мужик в обозе.

Дьячок поехал вперед и очутился в поле; обоз не отставал от него.

– Что, озябли? – спрашивал дьячок детей...

– Нет, нет.

– Что нет! Ну-ка лягте, я вас укутаю... ишь поднимается подзёмок какой...

Дети легли; дьячок накрыл их веретьем со всем с головами и увязал веревкой.

– Тятенька! Скоро придет Заметаловка? – спрашивали дети.

– Сейчас приедем... Озябли?

– Нет...

Мальчики только слышали рев полозьев, фыркание лошадей, побряхтывание отца и затянутую где-то песню... Иногда навстречу кричал чей-нибудь голос: «Держи в сторону!» – причем крепко стучали сани об сани. Дьячок потрогивал детей рукой, желая приве-

сти все в порядок, и снова погонял лошадь. Он уже дал иное направление своему кнуту, пуская его вдоль спины лошади! Проехав верст двадцать, дети заговорили:

– Мы встанем...

– Лежите! – крикнул отец, – ишь стыдь-то!..

– Тятенька! А далеко до Журавлева?

– Три версты.

Три версты проехали. Один мальчик раскопал дыру в веретье и закричал:

– Вон Журавлево-то! Мы встанем.

Видя, что до дому осталось недалеко, дьячок развязал детей. Они начали поправлять свои смятые картузы и с любопытством рассматривать деревню.

– Дворы-то как занесло! – говорили они.

Вскоре дьячок свернул с большой дороги на проселочную и скрылся.

А Декалов продолжал ехать в обозе по большой дороге. Толстый, покрытый изморозью мерин нес его по раскатам, через глубокие ухабы и даже по сугробам. Когда проезжавший мимо мужик замахивался кнутом и выбивал его из обоза, Декалов заочеченными от холода руками держался за веревки,

чтобы не вывалиться из саней.

Уже давно стемнело; обоз все ехал, по-видимому рассчитывая сделать большую станцию. Упорно думая о своем родном Кочергине, Декалов почти не чувствовал ни холода, ни боли в спине, на которой долгое время учителя расписывались кровавыми рубцами... Он не верил своему счастью, не верил, что он теперь свободен и скоро увидит свое село.

Вот деревня... говор мужиков и дворников. С горы катаются мальчики на подмороженных скамейках, лавируя среди бегущих лошадей... Огни на постоянных дворах; кое-где сквозь оттаявшие стекла видны кипящие самовары и артели извозчиков... Обоз миновал деревню.

Снова поле; темь и холодный ветер...

Слышится шум саней и дружный топот лошадиных копыт то по мягкому снегу, то по торной дороге, изрезанной приступками, об которые стучат полозья розвальней, как об рубель... А в поле ни голоса!.. В стороне мелькают леса... Декалову рисовался и вечер на семинарской квартире; ему становилось жаль

своих товарищей: теперь они тоже где-нибудь в дороге, на холоде...

В обозе ни один мужик не подавал голоса: вероятно, все спали. При сильных раскатах Декалов замирал, опасаясь быть вываленным из саней; достаточно было на четверть минуты отстать от обоза, чтобы потерять его из виду...

Но как обрадовался Декалов, когда обоз поехал шагом и вдруг подле его саней какой-то мужик заговорил:

– Ванюша, что, озяб?

– Озяб, – сказал Декалов.

Мужик поправил шлею на лошади.

– Сейчас приедем ночевать; версты две осталось...

Мужик сел на край саней и, помолчав, продолжал:

– Небойсь мать-то твоя ждет не дождется тебя... чудно! Колько времени не видались... как нешто обрадуется, сердечная!..

Мужик говорил таким братским голосом, что Декалов готов был обнять его...

VIII

ВЕЧЕР ПОД РОЖДЕСТВО

В доме кочергинского дьячка все было вымыто и убрано; зажженная перед образом лампадка озаряла на столе белую скатерть.

Декалов, в новой рубашке, сидел с матерью и бабушкой на печке, при свете ночника; там же, в углу, стояла кадка с пирожным тестом. Дьячок, расчесывая свои волосы, сидел на лавке.

– Ох-ма, хма, хма!.. – проговорила дьячиха, выслушав несколько рассказов сына об училнице.

Все молчали. По свежей соломе, устилавшей пол, тихонько кралась кошка; под печкой ворковали голуби...

– Матушка! – сказала дьячиха, – не посмотреть ли нам, как всходят пироги?

Старуха и дьячиха осветили на печи кадочку и, глядя в нее, говорили:

– Кажись, хорошо всходят... дрожжи бесподобные... Закрой. Господь с ними...

– А у нас хотят заказать новый колокол, –

сказал дьячок сыну.

– Да, да! – подхватила дьячиха, – пудов в шестьдесят, что ли?

– Заказали в шестьдесят... что говорить! Колокол будет городской... – отвечал дьячок.

– А не пора ли нам затоплять печку?

– погоди, маменька, – сказала старуха, – а вот нешто принеси из амбара мясное да потроха... не тронь, пока оттаят в избе...

Дьячиха оделась в шубу и принесла из амбара гусиные лапки и головки, поросенка, двух кур и часть свинины. Все эти предметы хозяйка разложила на лавке.

– А студень-то не пора вынимать?

– Теперь пора.

Дьячиха вынула из печи чугуны и начала разливать студень в деревянные чашки, вынимая оттуда ложкой бабки, которые старуха отдавала внуку.

Дьячок, чтобы не мешать бабам, отправился на печку.

– Ванюша, не забудь завтра сходить к отцу крестному – Христа прославить! – сказала дьячиха.

– Бабушка, – спросил Декалов, – что же, вы

не видали Петю Лаврухина?

– И! Да уж он про тебя спрашивал бесперечь... он, верно, еще не знает, что ты приехал. А что я вспомнила? – вполголоса сказала старуха дьячихе, – не помазать ли Ване спину гусиным салом?

– Когда я ждал тебя домой, – сказал дьячок, – я написал речь... Если бы ты ее выучил, завтра от помещика получил бы что-нибудь... Я тебе ее прочту: мудрена покажется или нет?

Дьячок достал речь и прочитал. – Что, мудрено, Ваня? – спросил дьячок. Декалов немного подумал, желая угодить отцу; наконец, сказал:

– Мудрено, тятенька!

– Мудрено-то мудрено! – сознался дьячок.

– Ванюша, – сказала старуха, – поди-ка ляг спать... тебе и так надоела эта учеба...

Дьячок отправился на полати, а Декалов полез под печку к голубям.

Почувяв его приближение, один голубь заворковал и щипнул его за руку.

Падавший с лавки свет сквозь дощатые треугольники тускло озарял стадо спавших голубей, которые, запустив носы в крылья,

поглядывали одним глазом на Декалова; в стороне от них одиноко сидела галка: видно было, что голуби преследовали ее и она жила с ними по необходимости.

IX РОЖДЕСТВО

На другой день, после заутрени, Декалов пошел к священнику славить Христа. Начи-
нало рассветать. По небу тянулись красные
полосы; у крыльца священникова дома стоя-
ли резные сани с свежей соломой.

В горнице священника на зеркалах висели
узорчатые полотенца. Декалов подошел к об-
разу и запел тропарь.

Из боковой комнаты вышел священник.

– Здравствуй, брат! – сказал он, давая Дека-
лову гривенник. – Давно приехал?

– Вчерась...

– А мой богослов приехал третьего дня. Ну,
нынче собирайся с нами – в приход...

После обедни весь сельский причт был в
хлопотах. Священник стоял перед дьячком,
державшим под мышкой стихари с церков-
ными книгами, и говорил:

– Ступай скорей к дьякону. Скоро, что ли,
он? докуда мы будем прохлаждаться?.. Жена!
дай мне гребень – голову причесать, да коро-

вЪего масла...

– Катерина! – сказала попадья, – подай отцу масла голову намазать...

Дьякон в своем доме стоял перед закуской и, держа в руках ножку жареного гуся, говорил:

– На барскую закуску надеяться нечего... вилочкой там немного сделаешь...

– Поешь себе хорошенько, – говорила дьяконица, ставя на стол новое блюдо.

– Отец дьякон! – закричал, входящий дьячок, – что же вы мешкаете? батюшка сердится...

– Я готов, у меня лошадь давно запряжена. Ступай, беги за другим священником да за дьячками...

Причт явился в доме помещика и шепотом начал спрашивать лакея:

– Дома господа?

– У себя...

– Что, мы не опоздали?

– Нет; барыня только встала.

Вскоре по коридору застучали сапоги, и в отдаленной зале раздалось пение.

Священник и дьякон приглашены были

хозяином в столовую, а дьячки отправились в лакейскую.

– Что, холодно на дворе? – спрашивал помещик.

– Очень холодно...

– А я сегодня и в обедне не был.

– Прошу покорно... Закусите... – сказала помещица. В передней шел разговор между дьячками и лакеем.

– Это ваш сынок-то?

– Мой... из третьего класса... Что это вы подвязали щеку?

– Да зубы-с... – отвечал лакей, – ночей не сплю.

– Позвольте спросить, какие это ложки: неужели серебряные?

– Серебряные! да вот извольте – проба. У них корец и то серебряный... Вот не знаю, чем зуб лечить...

Лакей начал губами раздувать кофейник на окне.

– Кому это вы? – спросили дьячки.

– Барчуку-с...

Наконец, вышел священник с дьяконом, и в одну минуту весь причт был на улице близ

лошадей, которым подвязывались поводыя и чересседельники...

– Ну, что? о чем барин говорил? – спрашивали дьячки, – сколько дал?

Все сплотнились в кучу...

Между тем в отсутствие мужей поповны зазвали к себе в гости лакеев, земских, приказчиков с женами и дочерьми. На столах стояли лакомства; вокруг гостей ходил поднос с рюмками. Молодые люди играли в карты и фанты. В комнатах сильно пахло скоромным; многие жаловались на головную боль, спрашивая друг друга: «Не угорели ли вы?» Лакеи, срывая с леденцов билетики, дарили их девкам, если надпись была вроде следующей: «Коль я тебе не мил, что я тебя, тиранку, полюбил». Девки в свою очередь дарили билетики лакеям.

В углу кто-то играл на гармонике, а хозяйка просила убедительно:

– Спойте, девушки, что-нибудь...

Раздавалось: «Вечор поздно из лесочку...»

В доме Декалова не было гостей. Дьячиха и ее мать спали на постелях в праздничных платьях; на хорах тоже спала какая-то кре-

стьянская старушка, которая в доме дьячка и разговелась. В избу светило солнце... по полу бродили голуби; галка, раскачиваясь на шесту, висевшем над печкой, вслушивалась, как ее подруги покрикивали на улице. Вытянув шею, она вскрикнула и потом съежилась, намереваясь вздремнуть; кто-то проснулся и зевнул...

В сумерках дьячок Декалов подъезжал с сыном к дому одного приказчика. Неверными шагами подходя к крыльцу, дьячок говорил:

– Наше дело такое: мужик горбом, а дьячок горлом...

Отец с сыном вошли в сени, в которых на полу кипело несколько самоваров. В горнице приказчика играли на гармониках и балалайках и шла такая пляска, что дрожал весь дом.

Дьячок приладился ухом к двери и, иронически прищурив один глаз, проговорил:

– Пир Валтасара![2] да нам что же?.. Мы яко служители церкви...

Часов в десять ночи падал небольшой снег. Дьячок с сыном ехали по полю; между ними на возу лежал мешок с христовскими курами, которые при каждом ухабе вскри-

кивали и утаскивали мешок на край саней.

– Ну! наши приехали! – сказала пономариха, услышав под окном скрип саней, и понесла в сени ночник.

– Здравствуй, жена, – слышался хриплый голос пономаря, – вот это тебе пироги...

– Ваня, беги скорей в избу... несите сюда мешки...

Декалов вошел в избу весь в снегу; мать принялась распоясывать его, причем на пол упал мешок с деньгами. Старуха пускала под печку кур и говорила:

– Первой... другой... а это кочет... вот и утка...

– Здравствуй, жена, – сказал явившийся пономарь. – Эко нахрюкался!

– Первое, – продолжал хозяин, растопырив руки, – Агафья Ермолаевна тебе кланяется и пеняет, что ты ее не проведаетшь...

– И! городит!.. она, чай, знает, когда мне проведовать?..

– А кум прислал тебе заочно утку и обещался заехать... Были у помещика Егора Ивановича... он дал Ване гривенник... Что ж нам?..

Через час пономарь лежал в углу на полу и говорил: «Дети мои! отец ваш много испытал!» Декалов спал на печи.

Огонь давно потух; в трубе гудел ветер; под печкой иногда, ссорясь с курами, ворковали голуби. В полночь хата выстыла до того, что протрезвившийся пономарь собрал с полу свои пожитки и отправился на печку. В избе прокричал один петух, за ним другой... с надворья заголосил третий... ветер жалобно выл под окном и посвистывал в плетневых сенях... от бури хата часто вздрагивала... Закричали «вторые петухи»; Декалов проснулся и начал ощупывать печку; он осторожно спустился на пол.

– Бабушка!

– Что ты, батюшка?

– Проводите меня.

– Господи благослови... где это мои башмаки?.. Студено как стало в избе-то...

Примечания

1

Герменевтика – толкование древних религиозных и литературных текстов.

[^^^]

2

Пир Валтасара – по библейской легенде, во время пира у халдейского царя Валтасара таинственная рука начертала на стене письменна, предвещавшие ему гибель. В ту же ночь Валтасар был убит.

[^^^]